

Информация для цитирования:

Сердечная В. В. Русская критическая, переводческая и творческая рецепция поэмы Уильяма Блейка «Мильтон» / В. В. Сердечная, Д. Н. Жаткин // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 4. — С. 337—367. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-4-337-367.

Serdechnaya, V. V., Zhatkin, D. N. (2026). Russian Critical, Translational, and Creative Reception of William Blake’s “Milton”. *Nauchnyi dialog*, 15 (4): 337-367. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-4-337-367. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

**Русская критическая,
переводческая и творческая
рецепция поэмы
Уильяма Блейка «Мильтон»**

Сердечная Вера Владимировна¹

orcid.org/0000-0001-8718-3556
доктор филологических наук, доцент,
кафедра зарубежной литературы
и сравнительного культуроведения
rintra@yandex.ru

Жаткин Дмитрий Николаевич²

orcid.org/0000-0003-4768-3518
доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой перевода
и переводоведения,
корреспондирующий автор
ivb40@yandex.ru

¹ Кубанский
государственный университет
(Краснодар, Россия)

² Пензенский государственный
технологический университет
(Пенза, Россия)

Благодарности:

Статья подготовлена в рамках реализации работ по гранту Российского научного фонда (проект № 25-18-00010 «Русский Мильтон: переводы, исследования, библиография. Создание научно-информационной базы данных»)

**Russian Critical,
Translational, and
Creative Reception
of William Blake’s “Milton”**

Vera V. Serdechnaya¹

orcid.org/0000-0001-8718-3556
Doctor of Philology, Associate Professor,
Department of Foreign Literature
and Comparative Cultural Studies
rintra@yandex.ru

Dmitry N. Zhatkin²

orcid.org/0000-0003-4768-3518
Doctor of Philology, Professor,
Head of the Department of Translation
and Translation Studies
corresponding author
ivb40@yandex.ru

¹ Kuban State University
(Krasnodar, Russia)

² Penza State
Technological University
(Penza, Russia)

Acknowledgments:

The article was prepared as part of the work under the grant of the Russian Science Foundation (project № 25-18-00010 “Russian Milton: translations, research, bibliography. Creation of a scientific information database”)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена рассмотрению различных направлений русской рецепции поэмы Уильяма Блейка «Мильтон» (1804—1811). Осмыслена критическая рецепция поэмы, которая, будучи впервые упомянутой в 1897 году в одной из статей З. А. Венгеровой и кратко охарактеризованной рядом исследователей советской эпохи (М. Н. Гутнер, А. А. Елистратова, Е. А. Некрасова), была впоследствии подробно изучена, среди других поэм Блейка, Т. Н. Васильевой (1960-е годы) и Г. А. Токаревой (2000-е годы). Отмечается изменение подходов исследователей: если в советский период доказывалась принадлежность Блейка к «прогрессивному романтизму», то на современном этапе наибольший интерес вызывает мифология английского поэта (в том числе отраженная в «Мильтоне»), которая привлекает мыслителей-традиционалистов. Изучена творческая рецепция поэмы, причем особое внимание уделено наиболее раннему объекту художественного переосмысления — отрывку, начинающемуся со слов «And did those feet in ancient time...»: к нему есть явные аллюзии в стихотворении С. Я. Маршака «Иерусалим» (1918), а также в «Памяти» Н. С. Гумилева (1920). Установлено, что переводческая рецепция «Мильтона» начинается с отрывка, интерпретированного С. Я. Маршаком (1918), затем следуют фрагменты из поэмы (преимущественно «And did those feet in ancient time...»), переведенные другими литераторами. Проанализирован полный перевод «Мильтона», который был осуществлен Д. Н. Смирновым и опубликован только в 2021 году, как билингва, с обширными примечаниями.

Ключевые слова:

У. Блейк; Дж. Мильтон; русско-английские литературные и историко-культурные связи; поэтический перевод; С. Я. Маршак; Н. С. Гумилев; Д. Н. Смирнов.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article offers a comprehensive examination of the diverse trajectories of Russian reception of William Blake's epic poem Milton (1804–1811). The critical reception of the poem is analyzed in detail, beginning with its first mention in Russian scholarship in 1897 in an article by Z. A. Vengerova, followed by brief discussions by Soviet-era scholars such as M. N. Gutner, A. A. Elistratova, and E. A. Nekrasova. The poem was later subjected to more thorough study by T. N. Vasilieva in the 1960s and G. A. Tokareva in the 2000s, both of whom placed it within the broader context of Blake's oeuvre. The article traces the evolution of scholarly approaches: whereas Soviet criticism emphasized Blake's affiliation with “progressive Romanticism,” contemporary research is increasingly focused on the poet's mythology, particularly as it is manifested in Milton, which has attracted the attention of traditionalist thinkers. The creative reception of the poem is also explored, with particular attention devoted to its earliest object of artistic reinterpretation — the passage beginning with the famous lines “And did those feet in ancient time...”. The article establishes clear allusions to this passage in S. Ya. Marshak's poem “Jerusalem” (1918) and in N. S. Gumilev's “In Memory” (1920). Furthermore, the translational reception of Milton is shown to have commenced with Marshak's interpretation of this very excerpt in 1918, followed by subsequent translations of selected fragments — primarily the same passage — by other Russian literary figures. It is noted that the first complete Russian translation of Milton was undertaken by D. N. Smirnov and published only in 2021 as a bilingual edition, accompanied by extensive commentary.

Key words:

W. Blake; J. Milton; Russian–English literary and historical-cultural relations; poetic translation; S. Ya. Marshak; N. S. Gumilev; D. N. Smirnov.

УДК 82.091+821.161.1+82-1

DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-4-337-367

Научная специальность ВАК

5.9.1. Русская литература и литературы

народов Российской Федерации

5.9.2. Литературы народов мира

5.9.3. Теория литературы

Русская критическая, переводческая и творческая рецепция поэмы Уильяма Блейка «Мильтон»

© Сердечная В. В., Жаткин Д. Н., 2026

1. Введение = Introduction

Эпическая поэма Уильяма Блейка «Мильтон» (“Milton a poem”), написанная в 1804—1811 годах, одна из больших поэм английского романтика (наряду с награвированной поэмой «Иерусалим» и оставшейся в рукописи поэмой «Вала, или Четыре Зоа»), стала одним из финальных воплощений многомерного авторского мифологического мира.

Эта поэма также явилась своего рода итогом творческого диалога между двумя английскими поэтами: Уильям Блейк, несомненно, ощущал себя творческим наследником Мильтона и во многом опирался на его способ авторского мифотворчества в собственных эпосах.

Блейк написал несколько серий акварельных иллюстраций к произведениям Мильтона — к «Потерянному раю», «Возвращенному раю», «Комусу» и др. Известным примером осмысления наследия Мильтона является фраза из ранней поэмы Блейка «Бракосочетание Рая и Ада» (1790—1793): «The reason Milton wrote in fetters when he wrote of Angels & God, and at liberty when of Devils & Hell, is because he was a true Poet and of the Devils party without knowing it» [Blake, 1988, p. 35] (Причина, по которой Мильтон писал в оковах, когда писал об ангелах и Боге, и свободно, когда писал о дьяволах и аде, в том, что он был истинным поэтом и был на стороне дьявола, не зная того)¹. А. М. Зверев отмечает, что в этом высказывании заключена «целая философия, афористически выраженное кредо всего романтического миропонимания» [Зверев, 1982а, с. 26]. Фразу эту нужно понимать иносказательно, в рамках авторской аллегорической системы данной поэмы Блейка: демоны, или дьяволы, — это люди, свободные от догматического мышления.

Блейк и дальше продолжал размышлять над мильтоновским наследием, воспринимая его как образец национального эпоса; он многократ-

¹ Здесь и далее перевод наш, если не указано иное. — В. С., Д. Ж.

но упоминал его в произведениях и письмах. Блейк отмечал у Мильтона «the extravagance of his all-personifying fancy» [Blake, 1988, p. 595] (экстравагантность его всеодушевляющей фантазии). В одном из писем Блейк сообщал, что создает свои эпические поэмы «on One Grand Theme Similar to Homers Iliad or Miltons Paradise Lost» [Blake, 1988, p. 728] (на одну великую тему, подобно «Илиаде» Гомера или «Потерянному раю» Мильтона), то есть остается в своем разнообразном творчестве, подобно великим эпикам, в рамках одной художественной вселенной.

В поэме «Мильтон», относящейся к авторскому жанру «пророчества», Блейк изображает мистическое путешествие духа Мильтона в материальный мир и его объединение с героем самого Блейка:

...Milton entering my Foot; I saw in the nether
Regions of the Imagination; also all men on Earth,
And all in Heaven, saw in the nether regions of the Imagination
In Ulro beneath Beulah, the vast breach of miltons descent.
[Blake, 1988, p. 115].

(Мильтон вошел в мою ступню; я увидел в нижних
Областях воображения; также все люди на земле,
И все на небесах, увидели в преисподних областях воображения
В Ульро под Беулой, огромную брешь от нисхождения Мильтона).

Дальнейшие метафизические превращения Мильтона в поэме связаны с переосмыслением разделения вселенной на бинарные оппозиции: мужское и женское, живое и мертвое, сознание и мир. Этот иносказательный текст, насыщенный аллюзиями и цитатами, начиная от Библии и заканчивая биографическими обстоятельствами жизни самого Блейка, весьма сложен для трактовки и восприятия, однако представляет собой мощное художественное высказывание и погружает читателя в уникальный мир авторской мифологии.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

До настоящего времени русская рецепция поэмы «Мильтон» затрагивалась кратко, в рамках общего изучения творчества Блейка, в том числе исследований его восприятия в России [Зверев, 1982б; Черепенникова, 2004; Сердечная, 2021б]. Единственный существующий полный перевод Д. Н. Смирнова также практически не отрефлексирован, известны только краткие его характеристики [Сердечная, 2021а]. Вместе с тем у этой поэмы Блейка есть определенная история рецепции в русской литературе — как переводческой, так и творческой.

Методологическим основанием для данного исследования становятся историко-литературный и компаративный подходы, нацеленные на анали-

тическое изучение истории русской переводческой, критической и творческой рецепции поэмы «Мильтон».

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Критическая рецепция поэмы «Мильтон»

В дореволюционной русской критике поэма «Мильтон» практически неизвестна.

Так, в первой биографической статье о Блейке на русском языке, опубликованной в 1834 году, говорится, что ранний романтик, как визионер, наследует Мильтону: «Он вступил в постоянные сношения с Гомером, Моисеем, Пиндаром, Виргилием, Дантом, Мильтоном» [Артист-поэт-сумасшедший, 1834, с. 86], — но не названа поэма «Мильтон». К. Д. Бальмонт в 1904 году пишет о взаимоотношениях Блейка и Мильтона, вольно пересказывая биографические мифы: «Мильтон приходил к нему запросто, не боясь утомить его слишком частыми посещениями, и раз даже попросил Блэка исправить одну ошибку в *Потерянном рае*» [Бальмонт, 2010, с. 321—322].

Первое упоминание о поэме «Мильтон» в русской критике встречается в подробной статье З. А. Венгеровой «Вильям Блэк, родоначальник английского символизма»: она перечисляет «Milton» среди пророческих книг Блейка [Венгерова, 1897, с. 177].

В критике советского времени произведение Блейка осмыслено подробнее; несмотря на то, что переводов поэмы не появляется, можно встретить суждения о ней и цитаты, в целом подтверждающие тезис о том, что Блейк относится к революционному, прогрессивному крылу романтизма; одним из свидетельств этой принадлежности считается творческое наследование Блейка Мильтону.

Среди ранних примеров советской критической рецепции можно назвать главу о Блейке в академической «Истории английской литературы» (1945). Ее автор М. Н. Гутнер приводит несколько фактов преемственности Мильтону со стороны Блейка: «Поэт с готовностью подхватывает религиозные мотивы республиканской героики Мильтона <...>. Мильтону Блейк обязан также тягой к нагромождению титанических образов, которые чаще всего подчеркивают абсолютную непобедимость восстающего героя» [Гутнер, 1945, с. 614]. О поэме «Мильтон» говорится как о позднем творении Блейка, в котором он «отказывается от былого бунтарства»: «На смену пламенному и беспощадному Орку приходит Мильтон, который изображен Блейком не как революционер, а как “борец в области духа”» [Гутнер, 1945, с. 622]. Через полвека эту мысль М. Н. Гутнера повторит И. И. Гарин в книге «Пророки и поэты»: «Закключительные поэмы цикла “Мильтон”

и “Иерусалим” — окончательный отказ от разрушительного бунтарства. Орка сменяет реформатор духа Мильтон» [Гарин, 1992, с. 411].

Магистральный поворот к исследованию Блейка случился в 1957 году, в юбилей поэта, когда произошло снятие запрета с его имени [Сердечная, 2021б, с. 242], что привело, в числе прочего, и к усилению внимания к поэме «Мильтон». В большой главе о Блейке в книге «Наследие английского романтизма и современность» к поэме «Мильтон» кратко обращается А. А. Елистратова [Елистратова, 1960, с. 98, 104—105].

В работах Е. А. Некрасовой произведения Блейка, в том числе и поэма «Мильтон», впервые в отечественной традиции были осмыслены как феномены сложной текстово-визуальной природы. В монографии «Творчество Уильяма Блейка» она анализирует ряд листов «Мильтона», в частности лист 21 («Лос, в виде пылающего солнца спускающийся к Блейку») [Некрасова, 1962, с. 109—110]. Приведем ее аналитическое описание графического образа Мильтона в поэме: «Мильтон, то есть поэтический гений, борется с древним косным богом закона — Юрайзеном-Иеговой, опирающимся на каменные глыбы скрижалей-заповедей <...>. На листах 29 и 33 дух Мильтона — поэтического гения принимает уже нечеловеческие формы: он в виде кометы падает на запрокинувшиеся в экстазе мускулистые фигуры самого Блейка <...> и его покойного брата <...>. Дух поэзии почему-то проникает в них через ступню правой выставленной вперед ноги, которую поражает падающая комета с пылающим огненным хвостом» [Некрасова, 1962, с. 111—112]. В приложении к своей книге Некрасова дает 68 монохромных репродукций, в том числе и листы из «Мильтона» (рис. 32—34), а также блейковские иллюстрации к «Потерянному раю» (рис. 44—46). Некрасова, вероятно, осталась единственным отечественным искусствоведам, который обращался к визуальному наследию Блейка в монографическом масштабе.

Вскоре выходит и первое отдельное издание Блейка на русском языке — это посмертный сборник переводов С. Я. Маршака. В предисловии В. М. Жирмунский пишет о наследовании Блейком у Мильтона стиля и стиха: «Эпопеи Блейка <...> в каком-то смысле примыкают к библейскому эпосу Мильтона, как истории “потерянного” и “возвращенного” рая. Мильтон, именем которого Блейк обозначил одну из своих последних “пророческих книг”, был для него не только великим поэтом прошлого (хотя и о нем Блейк высказывался критически), но пророком религиозной и политической революции и в этом смысле образцом и учителем <...>. Белый стих, которым Блейк пользовался в своих поэмах, представляет своеобразную трансформацию белого стиха Мильтона» [Жирмунский, 1965, с. 24—25].

В 1960-х годах к пророческим книгам Блейка обращается кишиневский исследователь Т. Н. Васильева; она публикует статью о поэме «Мильтон»

[Васильева, 1962], объемную аналитическую статью о пророческих поэмах [Васильева, 1969], защищает докторскую диссертацию по творчеству Блейка [Васильева, 1971]. Исследовательница отмечает: «После Мильтона Блейк самый выдающийся мастер космических пейзажей, и лирическая сила их предвещает грозное великолепие байроновских мистерий» [Васильева, 1969, с. 67]. Она называет поэму «Мильтон» «лирической громадой» [Васильева, 1969, с. 29], где, наряду с другими поздними большими поэмами, «мифология Блейка <...> окончательно сложилась» [Васильева, 1969, с. 49]. В статье о «Мильтоне» она цитирует поэму в собственном переводе, делает важные заключения о том, что Блейк — борец и революционер, а вовсе не отвлеченный мистик [Васильева, 1962]; важнейшей ее задачей является аргументация того, что Блейк является представителем прогрессивного романтизма.

К этому периоду серьезное знание авторской мифологии Блейка, в частности, описанной в поэме «Мильтон», проявляет А. М. Зверев. Так, в комментариях к работе английского исследователя утопии А. Мортон он отмечает: «В “Мильтоне” <...> Бэкон, Ньютон и Локк символизируют “сатанинскую троицу”; Мильтон призван сбросить ярмо этой троицы, освободив Альбион» [Зверев, 1970, с. 245]; «бог отождествляется с милосердием (Mercy), в одной из глав “Мильтона” — с художественным гением (Poetic Genius)» [Зверев, 1970, с. 246].

В 1982 году, в предисловии к билингвальному изданию произведений Блейка, А. М. Зверев относит «Мильтон», как и «Иерусалим», к «философским» поэмам Блейка [Зверев, 1982а, с. 10], после чего подробнее говорит о «Мильтоне» в комментариях, отмечая, что это «наиболее сложная по символике “пророческая книга” Блейка», которая «представляет собой апофеоз борьбы Блейка с механистическим, “уризеновским” миропониманием <...>. По Блейку, он [Мильтон] терпит поражение в этой борьбе не только из-за неравенства сил, но и потому, что сам Мильтон остается в плену ложного, церковно-теологического сознания» [Зверев, 1982б, с. 555].

А. М. Зверев цитирует поэму в собственном переводе: «В поэме “Мильтон” читаем: “Дух Отрицания есть Спектр, или же Рациональные Способности Человека, и это Позолота, скрывающая Бессмертный мой Дух, и это Себялюбие, которое необходимо отринуть и уничтожить навеки”. По символике Блейка, человек, обращающий себя в Спектр, неполноценен даже физически — Эманация есть утраченное “женское” начало, та духовность, которая восстанавливает целостность личности и в физическом отношении, поскольку Рай — это преодоление не только разлада между рациональным и чувственным, но и разделения Человека на начала мужское и женское» [Зверев, 1982б, с. 532]. Эти глубокие и точные заключения свидетельствуют о хорошем знакомстве А. М. Зверева с поэмой.

В «Истории английской литературы» Г. В. Аникина и Н. П. Михальской отмечено, что «в поэме “Мильтон”, размышляя о роли и предназначении поэта, Блейк развивает мысль о том, что гений должен вести неустанную “интеллектуальную битву” за освобождение человека» [Аникин, 1975, с. 199].

Новая эпоха исследований Блейка открылась в постсоветское время. Вышли новые переводы, стало возможным более предметное обращение к авторской мифологии и теологии Блейка, — однако «Мильтон» еще долго оставался недостаточно исследованным.

Так, например, А. Глебовская в сборнике новых переводов С. Степанова пишет о «Мильтоне» и других больших поэмах Блейка: они «напоминают изощренные литературные криптограммы: образы их сложны и многомерны, сюжет крайне условен, язык вычурен и архаичен даже для блейковской эпохи» [Глебовская, 1993, с. 8]. Ожидаемо, в этой книге нет даже фрагментов из «Мильтона».

Если революционный пафос лирики Блейка и его «Бракосочетания Рая и Ада» приветствовался советской критикой, то авторская мифология английского поэта обратила на себя внимание русских мыслителей-традиционалистов (вероятно, таким образом возродилась более ранняя, дореволюционная трактовка Блейка как визионера и духовидца). Например, поэму «Мильтон» в собственном переводе цитирует в книге «Приближение к Снежной Королеве» поэт и литературовед, мистик, участник Южинского кружка Е. В. Головин: «Небо — вечный тент, устроенный сыновьями Лота, и каждое пространство, которое человек видит, пребывая на своей крыше или в саду или на горе 25 локтей высоты — это пространство его вселенной...» [Головин, 2003, с. 136]. В этом сравнительно точном переводе есть значимая опечатка либо же намеренное искажение: имя блейковского титана Лоса заменено на имя библейского Лота — праведника, спасенного из Содома. Приведя еще две цитаты из поэмы, Е. В. Головин делает заключение о том, что Блейк описывает некий истинный взгляд на мир: «...существует не одно небо, которое нам пытаются всучить и указкой указывать какие-то созвездия, а у каждого человека есть свое небо. И когда он “переселяется”, оно уходит вместе с ним, т. е. человек — астроном собственной вселенной» [Головин, 2003, с. 136]. Далее Е. В. Головин соглашается и с другими постулатами Блейка, цитируя поэму «Мильтон»: «Мы верим в возможность качественной активизации органов чувств, о которой “микроскоп не знает и не знает телескоп. Они изменяют рацию наблюдателя, но не проникают в сущность объектов” (Уильям Блейк, “Мильтон”)» [Головин, 2003, с. 356].

Среди постсоветских исследователей творчества Блейка ведущее место занимает Г. А. Токарева, защитившая докторскую диссертацию о его

авторской мифологии [Токарева, 2005]. Токарева исследует отдельные символы, приобретающие в «Мильтоне» статус мифологем. Например, она рассматривает образ сандалии: «В пророческой книге “Мильтон” появляется образ сандалии, надетой на ногу поэта. Первоначальная ассоциация, возникающая на основе контекста, — тяжелый груз, нечто закрепощающее, связывающее (ремешки сандалии). <...> Однако в поэме Блейка образ сандалии имеет и прямо противоположный смысл: застегнув сандалию, герой отправляется в полет над миром, и здесь образ уже становится напоминанием о легкокрылых сандалиях Персея» [Там же, с. 85]. Также рассмотрены присутствующие в «Мильтоне» амбивалентный образ пелены, покрывала [Там же, с. 86], символика числа «четыре» [Там же], образное отражение творческого опьянения [Там же, с. 93] и поэтического экстаза [Там же, с. 94].

Г. А. Токарева анализирует геометрию пути Мильтона в поэме: «Поражает геометрическая точность рисунка: окружности, несомненно, вычерчены с помощью циркуля. Расположение геометрических фигур абсолютно симметрично, языки пламени, заполняющие сферу Сатаны, похожи на крылья огромной бабочки и подчеркивают симметрию композиции. На рисунке траектория движения Мильтона изогнута, и воронка вихря также образована кривыми. Блейк поразительно выстраивает свою модель по законам неевклидовой геометрии» [Там же, с. 106].

В диссертации исследовательница цитирует отдельные фрагменты поэмы в собственном переводе [Там же, с. 212, 229, 276]. В основном она рассматривает поэму «Мильтон» как одну из составляющих общей мифологической авторской картины мира, однако в четвертой главе обращается конкретно к «Мильтону», замечая, что в данном произведении наиболее явно дана тема инициации поэта, которая имеет биографическое измерение: «Символика этой поэмы в силу ее автобиографичности (определение весьма условное применительно к специфическому жанру Блейка) выведет нас на духовную инициацию самого поэта в ее биографическом, реальном варианте» [Там же, с. 278]. Токарева приходит к следующим важнейшим выводам: «Мильтон призван пробудить в человечестве духовность ценой собственного страдания» [Там же, с. 288]; «Путь Мильтона — это путь самого Блейка-поэта. Существование в одном мифологическом персонаже Мильтона и Блейка позволяют создать романтический персонаж рефлексивного типа. Блейк-поэт со стороны оценивает ошибки и заблуждения Мильтона, и вместе с ним проходит духовную инициацию, позволяющую ему приобрести статус избранного поэта-пророка» [Там же, с. 289]; «Ошибка (fall), которую совершает Мильтон, по мнению Блейка, заключается в том, что поэт возлагал слишком большие надежды на разрешение

социальных конфликтов в сфере земной <...>. Вторая ошибка, которую Блейк не может простить своему кумиру, — это грех аскетизма, его пуританские убеждения» [Там же, с. 290]; «Основная функция Мильтона в поэме заключается в том, чтобы пробудить человечество (гигант Альбион) к духовной жизни» [Там же].

Диссертацию Г. А. Токаревой можно назвать наиболее масштабным исследованием мономифа Блейка в отечественной традиции; ее краткая, но емкая характеристика поэмы аналитична и точна.

«Мильтон» как средоточие авторской философии и мифологии, наряду с другой поэмой Блейка «Иерусалим», упоминается у многих позднейших исследователей [Урнов, 1989, с. 89; Афанасьева, 2002, с. 202; Богданов, 2010, с. 192; Вершинин, 2011, с. 419]. Сравнительно редко говорится о визуальном стиле награвированной поэмы, отдельных рисованных сюжетах [Вершинин, 2011, с. 426]. В статье, посвященной пророчествам Блейка, М. С. Черепенникова размышляет о «Мильтоне» в русле воссоздания общей картины блейковской мифологии, не говоря о поэме как об отдельном произведении [Черепенникова, 2004]. И. О. Бабурченкова исследует метафоры Блейка — в том числе на материале поэмы «Мильтон» [Бабурченкова, 2017]. Т. Э. Кокшарова рассматривает хронотоп Блейка как форму коммуникации с читателем, также на материале «Мильтона» [Кокшарова, 2012].

Глубокий анализ поэмы «Мильтон» предпринимает ее переводчик Д. Н. Смирнов в написанной им биографии Блейка: он расшифровывает и объясняет иносказательный текст произведения, комментирует его метафорический сюжет [Смирнов, 2016, с. 258—268].

3.2. Критическая рецепция фрагмента “And did those feet in ancient time...” («Иерусалим»)

Рассмотрим отдельно приобретший особенную популярность стихотворный фрагмент из начала поэмы “And did those feet in ancient time...”, известный также как «Иерусалим». Этот отрывок, в котором упоминается легенда о том, что некогда Христос посетил Англию и что в этой стране будет построен новый Иерусалим, довольно рано получил самостоятельное хождение как отдельное стихотворение и явился предметом культурологической и литературоведческой рецепции.

Отрывок стал популярен после того, как композитор Хьюберт Пэрри в 1916 году, в разгар Первой мировой войны, по просьбе поэта Роберта Бриджеса написал к нему музыку. Получившаяся песня так понравилась королю Георгу V, что ее стали исполнять как неофициальный гимн страны: от церквей и школ до стадионов [Carroll, 2011, p. 235—236]. Уже в 1918 году перевод “And did those feet in ancient time...” публикует С. Я. Маршак [Блэк, 1918].

Упоминания об этом фрагменте в советской критике появляются с 1957 года, причем он трактуется не как официальный (в том числе религиозный) гимн, а как революционная песня.

Так, М. С. Шагинян пишет, что «Иерусалим» «поется в наши дни рабочим классом Англии как боевая революционная песня. Композитор Хуберт Пэрри положил его на музыку, а народ широко подхватил, и последние четыре строки <...> сделались как бы революционным обетом борьбы за лучший и справедливый общественный строй...» [Шагинян, 1957, с. 3].

В монографии А. А. Елистратовой этот фрагмент также рассматривается обособленно от общего замысла поэмы «Мильтон»: «Это своего рода поэтическое завещание художника, клятва в верности великому делу борьбы за свободу и счастье людей. Весь гимн, как обычно у Блейка, соткан из фантастических библейских символов. Но в них скрыто глубоко человеческое содержание — романтическая мечта об установлении царства мира и справедливости на земле» [Елистратова, 1960, с. 104—105]. Здесь же дан перевод отрывка, выполненный В. В. Роговым.

Комментируя перевод “And did those feet in ancient time...” С. Я. Маршака, В. М. Жирмунский пишет: «На зеленых лугах Альбиона, согласно пророчеству Блейка, будет воздвигнут “новый Иерусалим” — социальная утопия будущего царства равенства и справедливости» [Жирмунский, 1965, с. 28—29]. У Г. В. Аникина и Н. П. Михальской «лирический гимн начала поэмы “Мильтон”» охарактеризован как социальная идиллия: «... выражена мечта о том времени, когда придет конец рабству на земле, человек будет свободен и восторжествуют гармония и красота» [Аникин, 1975, с. 199]. А. М. Зверев также сообщает, что лирический отрывок из начала «Мильтона», переведенный С. Я. Маршаком, стал «в XIX веке народной песней, часто исполнявшейся на рабочих митингах» [Зверев, 1982б, с. 555].

В постсоветский период “And did those feet in ancient time...” подробно анализирует А. Г. Дугин, замечая, что фрагмент из поэмы «заслуживает особого внимания, так как в нем содержится квинтэссенция романтического истолкования англо-британского историала. В основе стихотворения лежит идея о миссии Англии быть Новым Иерусалимом, избранным народом, которому суждено нести идеалы свободы и духа всему человечеству» [Дугин, 2015, с. 232]. Подробно разбирая фрагмент, Дугин акцентирует в нем ярко выраженный дух «британского израилизма», отмечает известный по романам артуровского цикла мотив посещения Гластонбери Христом, вместе с Иосифом Аримафейским [Дугин, 2015, с. 233].

Также А. Г. Дугин останавливается на ярком образе «сатанинских мельниц», которые могут трактоваться по-разному — «и как научно-эм-

пирическое мировоззрение просвещенного английского общества Нового времени, и как индустриальный капитализм, и как английская консервативная государственность, и даже как намек на Англиканскую Церковь, к которой Блейк, будучи крайним протестантским мистиком, относился весьма критически» [Дугин, 2015, с. 233]. Творческие силы, которые лирический герой предлагает использовать для построения Иерусалима в Англии, Дугин трактует как «силы Лоса, представляющие собой активное англо-британское воображение, мобилизованное к эсхатологическому рывку имагиналя» [Дугин, 2015, с. 234].

3.3. Творческая рецепция поэмы «Мильтон»

Творческая рецепция поэмы «Мильтон» в русской традиции связана прежде всего с отрывком “And did those feet in ancient time...”.

Строка из этого отрывка — “Bring me my chariot of fire!” — выбрана эпитафией ко второй части лирического цикла «Горная тропа» (1912) поэта-символиста Юргиса Балтрушайтиса [Балтрушайтис, 1983, с. 125], в наследии которого прослеживается обращение к творчеству Блейка.

Этот же отрывок вдохновил Маршак на стихотворение «Иерусалим» (1918), опубликованное в Берлине [Маршак, 1922, с. 175]. Оно начинается со следующего катрена:

По горной царственной дороге
Вхожу в родной Иерусалим
И на святом его пороге
Стою смущен и недвижим.
[Маршак, 1922, с. 175].

Завершается произведение также профетически-идиллическим высказыванием о грядущем процветании Иерусалима:

И будут склоны и долины
Хранить здесь память старины,
Когда последние руины
Падут, веками сметены.

Во все века, в любой одежде
Родной, святой Иерусалим
Пребудет тот же, что и прежде, —
Как твердь небесная над ним!
[Маршак, 1922, с. 175].

Близость этого стихотворения с фрагментом поэмы Блейка обусловлена в том числе тем, что в том же году, когда создается «Иерусалим», С. Я. Маршак публикует перевод “And did those feet in ancient time...” [Блэк, 1918].

Рассматриваемый отрывок стал одним из творческих источников «Памяти» Н. С. Гумилева, о чем пишут и его исследователи, и А. А. Ахматова [Сердечная, 2021б, с. 124—125, 129—131]. Очевидны переклички между стихотворением Блейка и следующим четверостишием «Памяти»:

Сердце будет пламенем палимо
Вплоть до дня, когда взойдут, ясны,
Стены Нового Иерусалима
На полях моей родной страны.
[Гумилев, 2001, с. 92].

Следы пророческого мира Блейка, в том числе образности «Мильтона», можно увидеть в поэмах Бориса Анрепа, который является своего рода творческим наследником английского автора, — причем не только в поэзии, но и в изобразительном искусстве [Сердечная, 2021б, с. 157—180].

Одной из форм творческой рецепции поэмы стало воплощение отрывка “And did those feet in ancient time...”, по традиции названного «Иерусалимом», в песне и видеоклипе Леонида Федорова (лидера группы «Аукцион») в 2020 году [Сердечная, 2021б, с. 335—336]. Песня написана на перевод А. Дельфинова, а ее видеоряд представляет собой странствия одинокого героя по пустынным и заброшенным местам Санкт-Петербурга: клип был записан в период пандемии коронавируса.

3.4. Переводческая рецепция фрагмента “And did those feet in ancient time...” («Иерусалим»)

История переводческой рецепции поэмы «Мильтон» начинается с перевода ее отрывков. Ожидаемо, что первым из таких отрывков становится “And did those feet in ancient time...”.

Перевод его в 1918 году публикует С. Я. Маршак в журнале «Русская мысль» [Блэк, 1918]; впоследствии, в 1969 году, этот текст перепечатан в примечаниях к третьему тому собрания сочинений писателя. Приведем первое четверостишие:

Меж трав по склонам наших гор
Ступала ль господя нога?
И знал ли агнец наш святой
Зеленой Англии луга?
[Майзельс, 1969, с. 800].

Переводы Маршака из Блейка достаточно точны, следуют ритмическому рисунку и рифмовке оригинала. Однако при прочтении данного фрагмента Маршак допускает некоторые вольности. Так, вместо облачных холмов (“clouded hills”) у него — «дол туманный»: холмы превращаются в долину. Блейковский образ «сатанинских мельниц» (“dark Satanic Mills”) трансформируется в «фабрики сатаны», то есть в большей степени инду-

стриализируется. У Блейка Бог “Shine forth upon”, то есть светит, сияет, у Маршака — «глядит».

Особенно значим и насыщен концептуальными образами третий катрен оригинала, представляющий собой череду императивных анафор, обращенных к оруженосцу или соратнику:

Bring me my Bow of burning gold:

Bring me my Arrows of desire:

Bring me my Spear: O clouds unfold!

Bring me my Chariot of fire!

[Blake, 1988, p. 95].

[Дай(те) мне мой Лук из горящего золота,

Дай(те) мне мои Стрелы страсти;

Дай(те) мне моё Копье: о облака, разойдитесь!

Дай(те) мне мою Колесницу из огня!]

В переводе С. Я. Маршака у героя уже есть вооружение, ему не хватает только колесницы:

Есть лук желанья золотой

И стрелы страсти у меня,

Пусть тучи грозные примчат

Мне колесницу из огня!

[Майзельс, 1969, с. 800].

Таким образом, существенно уменьшается риторическая «пророческая» экспрессия оригинального текста; лирический герой Блейка может обращаться и к Богу — тем более он почти что приказывает облакам.

Первое двустихие последнего катрена у Блейка звучит так: “I will not cease from Mental Fight, / Nor shall my Sword sleep in my hand” [Blake, 1988, p. 95] (Я не прекращу Духовной Битвы, / И Меч не будет спать в моей руке). У С. Я. Маршака принципиально иное высказывание: «Мой дух в борьбе несокрушим, / Пусть грянет бой — бескровный бой...» [Майзельс, 1969, с. 800]. Русский интерпретатор подчеркивает разницу между физическим и духовным боем, однако утрачивает евангельскую метафору меча.

Таким образом, в данном переводе С. Я. Маршак намечает тенденции в русской адаптации Блейка: упрощая блейковское иносказание, он вместе с тем сохраняет основную идею духовного обновления страны через обращение к божественному опыту:

Мы возведем Ерусалим

В зеленой Англии родной.

[Майзельс, 1969, с. 800].

Следующим опубликованным переводом данного фрагмента стал перевод В. В. Рогова, включенный в монографию А. А. Елистратовой:

Топтали ль древле те стопы
Траву холмов страны моей?
И был ли агнец божий зрим
Средь наших пастбищ и полей?
[Елистратова, 1960, с. 105]

Во втором катрене появляются «хмурые фабрики Сатаны» — вероятно, образ фабрик возник под влиянием перевода С. Я. Маршака. А вот интерпретация третьего катрена у В. В. Рогова ближе, чем у С. Я. Маршака, к риторическому напору оригинала:

Стрелу мечты добыть хочу!
Копье мне дайте! Лук золотой!
Развейтесь, тучи! Полечу
На колеснице огневой!
[Елистратова, 1960, с. 105]

И, хотя не вполне оправданным выглядит перевод “Arrows of desire” как «стрела мечты», в целом эта версия четверостишия гораздо созвучнее авторскому замыслу, нежели ранняя трактовка С. Я. Маршака. То же можно сказать и о начале четвертого катрена, где сохранен образ меча; хотя, конечно, “Mental Fight” — это скорее духовная борьба, чем «умственная»:

Не сникну в умственной борьбе
И меч не усыплю, устав...
[Елистратова, 1960, с. 105].

В вышедшем в 1965 году сборнике маршаковских переводов Блейка представлен новый вариант прочтения отрывка, существенно отличающийся от напечатанного несколькими десятилетиями ранее. В оригинале систематически (в трех катренах из четырех) рифмуются только 2-й и 4-й стихи; у С. Я. Маршака же в новой версии выдержана строгая перекрестная рифмовка abab: переводчик, таким образом, слегка «исправляет» Блейка, делает рифмовку более системной.

Если в 1918 году в первом четверостишии звучит «Ступала ль господя нога» [Майзельс, 1969, с. 800], то в новом прочтении упоминание о господе уходит: «Ступала ль ангела нога» [Блейк, 1965, с. 152]. В ранней версии «древний божий лик» «глядит», в поздней — «лик господний» «светит» (что ближе к оригиналу, но в то же время в большей степени указывает на то, что Бог здесь есть солнце). Вместо «туманного дола» появляются «туман и дым», что усиливает индустриальную тему — очевидно, в дополнение к «фабрикам сатаны».

Третий катрен начинается чередой риторических вопросов, а завершается пожеланием:

Где верный меч, копье и щит,
Где стрелы молний для меня?
Пусть туча грозная примчит
Мне колесницу из огня.
[Блейк, 1965, с. 153].

При сохранении образа огненной колесницы, яркие определения лука и стрел, содержащиеся в первом варианте перевода, утрачены; «колесница из огня», которую мчит туча, выглядит как некая аллегория природного явления. Таким образом, возрастает условность изображаемого.

С. Я. Маршак возвращает в четвертом катрене образ меча, но считает нужным пояснить, что меч этот — ненастоящий: «Незримый меч всегда со мной» [Блейк, 1965, с. 153], таким образом вновь повышая уровень условности.

В 2007 году свой перевод «And did those feet in ancient time...» издает Г. С. Усова. При некоторой упрощенности лексики и синтаксиса, ее прочтение выглядит одним из самых близких к стилю и образному строю стихотворения Блейка:

А сохранились ли следы
Священных ног у этих скал?
Зеленых пастбищ луговых
Не Агнец ли Святой искал?
[Блейк, 2007, с. 44].

Во втором катрене происходит замена «мельниц Сатаны» на «трубы Сатаны», что акцентирует индустриальный характер образа. Третье четверостишие дано весьма близко к подлиннику, хотя в нем не сохраняется анафора, а также возникает образ щита:

Несите Лук мне золотой,
Стрелу Желанья дайте мне,
И легкое Копье, и Щит,
И Колесницу, всю в огне.
[Блейк, 2007, с. 44].

При интерпретации начала четвертого катрена утрачен значимый мотив духовного характера борьбы («Mental Fight»): «И не оставлю я борьбы, / Меч не уснет в моих руках» [Блейк, 2007, с. 44]. Перевод Г. С. Усовой, в котором простому и сильному стилю Блейка найдены удачные соответствия, выглядит одним из наиболее коммуникативно адекватных.

Подстрочный перевод «And did those feet in ancient time...» дан в книге А. Г. Дугина о Британии: «Ходили ли эти стопы в древние времена по зеленым холмам Англии? Могли ли видеть святого Ангца Божия на прекрасных пастбищах Англии?...» [Дугин, 2015, с. 233]; однако и здесь

“Mental Fight” передано не совсем точно — «умственная брань» [Дугин, 2015, с. 233].

В переводе А. Дельфинова, выполненном для музыкального проекта Л. Федорова в 2020 году, очевиден переход от вопросительной структуры предложения к утвердительной:

И шел он в древности седой
По зеленеющим холмам,
И в Англии прекрасной след
Оставил Агнец Божий сам!
[Сердечная, 2021б, с. 335].

В переводческой стратегии очевидна ориентация на песенное исполнение текста. Максимально близко к оригиналу интерпретированы третий катрен и начало четвертого:

Дай лук горящий, золотой,
Дай стрелы воли для меня,
Дай мне копьё: о, тучи вскрой!
Дай колесницу из огня!

На бой духовный выйду вновь
С клинком недремлющим моим...
[Сердечная, 2021б, с. 335]

В 2020 году фрагменты из поэмы «Мильтон» увидели свет в переводе давней исследовательницы творчества Блейка Г. А. Токаревой. Она интерпретирует несколько отрывков, среди которых “And did those feet in ancient time...”.

Подобно С. Я. Маршаку, переводчица выдерживает строгую рифмовку abab, тем самым «исправляя» оригинал. Уже в первой строфе очевидны переводческие добавления, такие как «покой» Англии:

Бродил ли на заре времен
По горным склонам дух святой?
И был ли агнец наш влюблен
В зеленой Англии покой?
[Токарева, 2020, с. 98].

Туманные холмы (“clouded hills”) она передает как «пелены», Иерусалим подан через синекдоху: «Иерусалима храм»; при этом весьма близко к оригиналу — “dark Satanic Mills” — представлены «мрачные мельницы Сатаны». Ключевой третий катрен переведен с использованием императивов (впрочем, уже не анафорически) и с добавлением отсутствующего у Блейка адресата обращения — Бога (святого духа):

Дай мне копьё и лук златой,

Чьи стрелы страсти пыл хранят.
Непобежденный дух святой,
Дай колесницу из огня.
[Токарева, 2020, с. 98].

В четвертом катрене достаточно точно и экспрессивно переданы два первых стиха, хотя вместо участника герой назван «стражем» духовной войны: «Я битвы духа вечный страж, / Чужд моему клинку покой» [Токарева, 2020, с. 98—99].

Свою русскую версию “And did those feet in ancient time...” предлагает и Д. Н. Смирнов в полном переводе поэмы, изданном в 2021 году. Здесь также можно видеть «исправленную» рифмовку abab. Переводчик начинает стихотворение чередой вопросов, что соответствует строю оригинала, однако в первом катрене исчезает упоминание Англии (оставшееся только в финале стихотворения):

Ступал ли с горней высоты
Он к нам на холмы и поля?
На Ангца Божьего черты
Взирала ль ты, моя земля?
[Блейк, 2021, с. 13].

Во втором катрене “dark Satanic Mills” переданы как «черные мельницы Сатаны», а “our clouded hills” — как «просторы облачной страны». Третья строфа решена без повторов и анафор, однако с использованием императивов и восклицаний, что создает стилистическое соответствие пламенным интонациям оригинала; вместе с тем появляется мотив борьбы с «мраком», напрямую не заявленный здесь у Блейка:

О лук мой, золотом пылай,
И стрелы страсти пусть, звеня,
Пронзают мрак! Копье мне дай
И колесницу из огня!
[Блейк, 2021, с. 13].

С сохранением ключевых образов духовной битвы и меча переведено и начало четвертого катрена: «В духовной битве я храним, / Да не уснет мой меч в руках» [Блейк, 2021, с. 13].

Проанализированные стихотворные переводы фрагмента “And did those feet in ancient time...”, вместе со значительной критической рецепцией этого отрывка и появлением новых переводов [Блейк, www], свидетельствуют о большом потенциале данного текста и его значимости. Обращаясь к сравнительно несложной лирике, поэты сосредоточиваются на различных аспектах образного мира стихотворения, и потому точный перевод системы уникальных концептов Блейка остается непростою задачей.

3.5. Переводческая рецепция поэмы «Мильтон» в отечественной литературе

В вышедшем в 1965 году первом отдельном издании произведений Блейка (в переводах С. Я. Маршака) увидели свет три фрагмента из «Мильтона»: «На этот горный склон крутой...», «Ты слышишь, первый соловей заводит песнь весны...», «Ты замечаешь, что цветы льют запах драгоценный...» [Блейк, 1965]. Первый отрывок — уже рассмотренный “And did those feet in ancient time...”, два других связаны с описанием природы: фрагменты о жаворонке («Thou hearest the Nightingale begin the Song of Spring...») и о пробуждении цветов («Thou percievest the Flowers put forth their precious Odours!...») [Blake, 1988, p. 130—131]. У Блейка они написаны семиударным размером; Маршак переводит их скорее верлибром и не следует в этой вольной форме принципу эквилинеарности: в первом отрывке 17 строкам оригинала соответствуют 23 строки перевода, во втором, соответственно, 17 и 24.

В отрывке о жаворонке С. Я. Маршак сохраняет блейковскую лексическую композицию образов. Он отступает от своей «классицистической», нормализующей переводческой стратегии и допускает порой даже неловкие, казалось бы, дословные выражения: так, “earthy bed” он буквально переводит как «земляная постель», “With eyes of soft humility, & wonder love & awe” — как «Глазами страха, удивленья, смиренья и любви». Эта верность оригиналу позволяет интерпретатору передать метафоры и авторские мифологемы Блейка максимально корректно: “the wings of light” — «на крыльях света»; “blue & shining heavenly Shell” — «Небесной раковины синей».

В отрывке о пробуждении цветов, очищенном от имен блейковской мифологии, непонятных массовому читателю (в частности, фраза “that Og & Anak fiercely guard” передана как «Хранит невидимая стража бессменно день и ночь»), С. Я. Маршак также близко следует подлиннику, нарушая лишь строй анжамбеманов и добавляя назывные предложения, которых нет у Блейка, например: «Радость до слез» [Блейк, 1965, с. 154].

Те же три отрывка в переводе С. Я. Маршака включались в последующие советские издания Блейка [Блейк, 1978; Блейк, 1982]. Для Маршака-переводчика, а следом и для советского читателя «Мильтон» Блейка остается источником лирических фрагментов; эпический и мифологический характер поэмы не отражен в переводах.

Прошло несколько десятилетий, пока переводчики вновь не обратились к поэме Блейка.

Фрагмент «Мильтона» дан в статье английского исследователя Д. Густафссона (в переводе Е. и В. Сердечных) как аргумент по поводу анти-

патии Блейка к ложной философии Бэкона, Локка и Ньютона [Густаффсон, 2014, с. 27].

В 2011 году в рамках подготовки к выставке Блейка в Государственном музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина был организован семинар переводов Блейка под руководством известных поэтов и переводчиков Григория Кружкова, Марины Бородицкой и Саши Дагдейл. В журнале «Иностранная литература», как один из итогов этого семинара, увидел свет перевод небольшого (23-строчного) отрывка из поэмы «Мильтон», созданный Марией Фаликман и озаглавленный «Чертоги времени» [Блейк, 2011]. Перевод представляет собой развернутую мифологему хронотопа в мире Блейка, причем ряд образов, вследствие переводческих трансформаций, представлены с отступлением от оригинала. Так, на смену обозначению длительности кратчайшего мига как «биения пульса артерии» (“a pulsation of the artery”; [Blake, 1988, p. 127]) переводчицей представлен более предметный и даже визуальный образ — «биение жилки на вашем виске» [Блейк, 2011, с. 32]. Далее, когда Блейк говорит о том, что именно в этот краткий, но внутренне бесконечный момент «совершена работа / завершено произведение поэта» (“the Poets Work is Done”; [Blake, 1988, p. 127]) — у переводчицы происходит куда более эпическое действие — «свершается Слово поэта» [Блейк, 2011, с. 33].

Среди переводов из поэмы «Мильтон» Г. А. Токаревой — не только «And did those feet in ancient time...», но и предисловие (прозаическая его часть), а также ряд фрагментов, передающих своеобразие эпического стиля Блейка:

Лоса Давильня к востоку от Голгонузы. У места,
Где Сатана восседает, где Лува, где стонет Уризен,
Лувы потомки кровавые винные ягоды топчут
И торжествуют они, упиваясь страданием плоти.
Множество юношей тонут в кровавом вине, и тела их
Родом с Давильней кладут на шкуры зверей благородных
Или уносят их в гроты прохладные, громко стеная.
[Токарева, 2020, с. 104].

Семиударный, неровный стих Блейка в переводе Г. А. Токаревой становится близок к гекзаметру, то есть ассоциативно связывается с античной традицией; перевод эквилинарный, дополнен комментариями, представляющими «Мильтона» как интересный, причудливый эпос.

Важнейшим переводчиком Блейка, причем не только на русский язык, но и на язык музыки, стал композитор и поэт Дмитрий Смирнов (Смирнов-Садовский), написавший новую биографию Блейка и предложивший новые прочтения практически всех его произведений [Smirnov, 2018a;

Smirnov, 2018б]. Среди переводов Смирнова — и поэма «Мильтон», первое полное издание которой вышло на русском языке уже посмертно — в 2021 году [Блейк, 2021].

В силу незавершенности мифологии Блейка, ее густонаселенности, своеобразной авторской орфографии и пунктуации задача по переводу больших поэм Блейка, в том числе и «Мильтона», близка к невыполнимой; однако Смирнов сумел это сделать, что было подготовлено его многолетней работой по исследованию наследия Блейка, переводческой работой и чтением литературы Blake studies.

В переводе больших эпосов эквилинейность и эквиритмичность — не основа перевода, но лишь подмога; однако, вооружившись комментариями и исследованиями больших поэм, переводчик отважно пускается в путь, облакая многомерные иносказательные образы Блейка в естественные русские фразы, которые зачаровывают ритмом и увлекают в историю. Издание этой поэмы как билингвы способствует точности перевода: читатель может легко сопоставлять русскую версию с оригиналом. Смирнов опирается на классическое издание произведений Блейка под редакцией Д. Эрдмана, но при этом анализирует сохранившиеся копии поэмы (известные как A, B, D), отпечатанные самим Блейком способом иллюминированной печати.

Нужно отметить, что Д. Н. Смирнов снабжает свой перевод солидным комментарием: справочный аппарат занимает в книге почти сто страниц, и в случае комментирования большого «пророческого» эпоса Блейка это вполне обоснованно. К поэме приложен также словарь основных понятий и имен, который опирается на “A Blake Dictionary” Ф. Дэймона, но дополнен и авторскими выводами переводчика.

Издание содержит комментарий по истории рукописей: «Поэма *Мильтон*, копия D была награвирована Блейком на медных пластинах и печаталась им и его женой Кэтрин в период между 1804 и 1818 годами в доме № 17 на Саут-Молтон-стрит в Лондоне, где они тогда жили. В копии 50 листов, большинство из которых снабжены иллюстрациями. Гравюры отпечатаны на веленовой (тканой) бумаге с водяным знаком J RUSE & TURNERS 1815. Для печати использовалась оранжево-красная и чёрная краски. После этого все отпечатки были раскрашены Блейком от руки. Размер листов 27,8 x 22,0 см. Размер оттисков гравюр колеблется от 13,5 x 9,6 см. до 16,9 x 12,0 см. <...>» [Блейк, 2021, с. 250].

В комментариях Смирнов проясняет иносказания Блейка, в частности, в отношении Мильтона: «... чтобы прийти к Воскресению в Судный день, надо пройти земной путь, то есть принять вечную смерть. Для этого бард Мильтон покидает пир Вечности <...>. Мильтон в поэме *Потерянный Рай* создал ад для своего Сатаны. Теперь он должен осознать, что Сатана

есть часть его самого. Он должен также осознать, что огонь этот не Ад, но важный элемент поэтической работы в горниле его творчества. Вечная Смерть — это жизнь этого мира» [Блейк, 2021, с. 264—265].

Одной из важных стилистических примет перевода становится то, что в нем сознательно нивелируется характерное для стиля Блейка и для английского языка той поры написание многих понятий с прописной буквы (правила постановки прописных букв в переводе оговорены в начале комментариев [Блейк, 2021, с. 247]). Д. Н. Смирнов, в основном, оставляет написание с прописной буквы только у имен собственных, что делает текст проще по визуальной составляющей и соответствует современному состоянию письменного узуса русского языка. Так, фразу, которая у Блейка выглядит как “Rouze up O Young Men of the New Age!” [Blake, 1988, p. 95], Смирнов переводит без использования прописных букв: «Восстаньте, о юноши нового века!» [Блейк, 2021, с. 11]. В публикации также даны монохромные копии многих листов поэмы.

По сравнению, например, с интерпретацией начала поэмы Г. А. Токаревой, переложение Д. Н. Смирнова оставляет впечатление почти подстрочного перевода: он близок к образности Блейка, автор стремится сохранить по возможности и его лаконичный синтаксис. Вот как выглядит перевод одной из фраз прозаического введения к поэме: «Шекспир и Мильтон были охвачены общим недугом, заразой, идущей от скудоумных греческих и латинских рабов меча» [Блейк, 2021, с. 11]; здесь расставлены некоторые возвышающие стилистические акценты (например, “silly” переведено как «скудоумный»), но в целом перевод практически дословный. В интерпретации Токаревой можно встретить обилие описательных оборотов и значительно более экспрессивный синтаксис: «И Шекспира, и Мильтона — обоих держала в узде общая болезнь, и эта зараза исходила от глушцов — греков и римлян, ставших рабами своего же оружия» [Токарева, 2020, с. 98].

В основном тексте поэмы для соответствия семиударной строке Блейка Смирнов подбирает вольный стих от пяти- до семиударного и также стремится к дословности. Приведем перевод листа 2, своего рода эпического пролога поэмы:

Беулы дщери! Музы! вдохновите песнь поэта, расскажите
О Мильтоне бессмертном, о его пути по вашим царствам
Сквозь страх и нежный лунный глянец, сквозь блужданья плоти,
Сквозь чары красоты, что радуют и утоляют
И жажду пылкую, и хладный голод. <...> И сперва
Скажите: что подвигло Мильтона — бродившего сто лет
По Вечности в раздумиях над лабиринтом Провиденья;
Несчастливого, хотя и в небесах; взиравшего в молчаньи

На шестерную эманацию свою, рассыпанную в бездне в муках –
Спуститься в бездну, чтоб спасти её и самому погибнуть?
Так что толкнуло Мильтона на беспримерное деянье? —
Пророческая барда песнь!
[Блейк, 2021, с. 17, 19].

Несмотря на появление здесь сложных блейковских концептов (таких как “Sixfold Emanation”), Смирнову удастся создать текст, читаемый и внутренне не противоречивый, и включение этих концептов не препятствует общему пониманию описываемого эпического действия.

Смирнов последовательно и точно переводит «Мильтона», способствуя своего рода «нормализации» восприятия больших поэм Блейка в русском языковом сознании. Внутренним ориентиром для перевода, вероятно, являлись русские версии того же «Потерянного рая» и других эпических поэм европейской традиции — однако уже не античный гекзаметр (послуживший ритмическим ориентиром для Г. А. Токаревой). Свободное обращение с ритмом и искусное использование анжамбеманов позволяют Смирнову совершить небольшое переводческое чудо: «Мильтон» звучит естественно, и недостаточная прозрачность текста кажется скорее свидетельством загадочности и сложности описываемого мира, чем доказательством «сумасшествия» его автора (версия о сумасшествии Блейка была распространена между его современниками).

Приведем в качестве примера перевод части листа 3, где описано творение человека и материального мира: создание тела человека и есть основание падшего физического мира, считает Блейк. Эта сложнейшая мифологическая концепция, имеющая гностические корни, в русском переводе представлена ярко и образно:

Во тьме лежал Уризен, одиноко, замкнутый в цепях рассудка.
Взяв молот и щипцы, трудился у неутомимой наковальни Лос
Средь бесконечных скал друидов
и снегов сомнений, рассуждений.

Бесформенный абстрактный страх
был скрыт под каменную кровлей;
И первый век прошёл, и царство было вечной скорби.

Пылающий, охваченный испугом красный шар
Тонул в пучине, трепеща, сжимаясь, задыхаясь;
И век второй прошёл, и царство было вечной скорби.

В два шара обратившись, кроясь в маленьких пещерах,

Глаза узрели бездну, кости твёрдые заоченели;
И третий век прошёл, и царство было вечной скорби.

И в стороне, от глаз недалеко, два слуховых
Отростка выросли из мрака и окаменели;
Четвёртый век прошёл, и царство было вечной скорби.

И ноздри, реявшие на ветру, вросли глубоко;
И пятый век прошёл, и царство было вечной скорби.

В мученьях страшных голода и жажды пламенел язык,
И век шестой прошёл, и царство было вечной скорби.

Дрожа снаружи и внутри, от гнева и от горя задыхаясь,
Одну длань к северу он протянул, другую к югу,
Ногами упираясь в запредельную пучину.
И век седьмой прошёл, и царство было вечной скорби.
[Блейк, 2021, с. 19, 21].

Смирнов находит весьма точные и стилистически уместные эквиваленты для парадоксальных физиологических метафор Блейка типа “Two Ears... petrified”, “Two Nostrils bent down into the Deep”, “a Tongue of hunger & thirst” [Blake, 1988, p. 97]; и в русском переводе параллелизм между строением вселенной и человеческого тела остается вполне очевидным.

Приведем перевод лирического отрывка, выбранного для перевода и Маршаком, о жаворонке:

Внемли — то соловей напев весенний зачинает,
И жаворонок пробудился средь колосьев тучных;
Завидев свет, взлетает он над золотистым полем,
И трель звенит, ей вторит нежный хор:
‘Триль-триль, триль-триль’,
На светлых крыльях уносясь в бескрайнюю пучину
И звонким эхом отзываясь в скорлупе небесной.
А маленький певец дрожит, охвачен вдохновеньем,
И грудь его наполнена божественным дыханьем.
Природа затаилась, превратившись в слух, и солнце
Восходит грозно над утёсом, но, застыв, на птаху
Взирает в кротком удивленьи, с трепетом, любовью.
Чу, слышишь, как из чащи громко грянул хор пернатых:
Зарянка, дрозд, щегол, вьюрок и коноплянка разом
Запели, разгоняя солнца сладостную грёзу?

Но неуёмный соловей вновь голос свой возносит,
Весь день и ночь, гармонией, богатством, чистотою
Своих напевов поражая слух певцов окрестных.
[Блейк, 2021, с. 177, 179].

Смирнов соблюдает эквилинеарность и в основном следует ключевым образам оригинала, где-то варьируя их: так, “earthy bed” он передает как «средь колосьев тучных», “heavenly Shell” — «скорлупа небесная»; в переводе утрачен образ дрожащих перьев (“every feather / On throat & breast & wings vibrates with the effluence Divine”) [Blake, 1988, p. 130], здесь применена генерализация: «А маленький певец дрожит, охвачен вдохновеньем, / И грудь его наполнена божественным дыханьем». Однако в целом приведенный пример демонстрирует эквилинеарность и эквивалентность адаптации Смирнова.

Мильтон в поэме Блейка предстает по сути своей национальным спасителем:

И Мильтон во весь рост восстал над небом Альбиона,
И плач пророческий собранье огласил, и в лике
Его божественном стояли тени — Смерть и Ульро.
И, сняв обета ризы и освободив себя от клятвы Божьей,
Он молвил: «К вечной смерти я иду! — пока народы
Чтут мерзостных богов Приама, богохульствуют
И в спор вступают в самолюбования спесивом.
Когда ж настанет воскресение, и тело спящее
Поднимется из тлена? О, когда придешь Ты, Иисусе?
Не медли, Господи! у смерти врат душа моя,
И я восстану, чтобы встретить радостное утро...».
[Блейк, 2021, с. 75].

Образ Мильтона в поэме Блейка многогранен: он раскрывается в мифологическом, биографическом, творческом смысле. Мильтон как творящая сила имеет отношение к самой структуре реальности, но вместе с тем он — и поэтический гений, который «входит» в самого лирического героя:

Я ж в глубочайших сферах моего воображенья
Увидел Мильтона, что мне в стопу вошёл, а также видел
Всё человечество земли и неба; и провал узрел
Великий от его схождения в Ульро под Беулой.
Но я не знал тогда, что это Мильтон, — не дано
Нам знать, что происходит с нами; время и пространство
Нам позже открывают Вечности секреты, потому что
Нет на земле существ величественней человека.
[Блейк, 2021, с. 109].

Таким образом, полный комментированный перевод «Мильтона» завершил более чем столетнюю историю обращения русских интерпретаторов к этой поэме Блейка — начиная от многократно осмысленного фрагмента “And did those feet in ancient time...”, продолжая переложением других небольших частей произведения, — и только Д. Н. Смирнов смог довести до логического финала многотрудную работу по переводу эпоса Блейка, тем самым проложив дорогу для его дальнейших исследований.

4. Заключение = Conclusions

Поэма У. Блейка «Мильтон», посвященная авторскому мифологическому осмыслению судьбы поэта, стала объектом различного типа рецепции в русской культуре: это рецепция и критическая, и переводческая, и творческая. В досоветский период «Мильтон» практически не был известен; в советское время поэму постепенно начали исследовать и переводить (фрагментами); в новейшее время был осуществлен полный комментированный перевод поэмы Д. Н. Смирновым, который обозначил завершение большого этапа продвижения произведения к российскому читателю.

Отдельной частью поэмы, вызвавшей значительный интерес, стало ее стихотворное введение “And did those feet in ancient time...”. Будучи признано в 1916 году своего рода неофициальным гимном Англии, это стихотворение было многократно переведено на русский язык, осмыслено как высказывание в критической литературе и положено на музыку Л. Федоровым.

Дальнейшее исследование поэмы «Мильтон» как факта творческой рецепции английским романтиком трудов своего предшественника может способствовать углублению знаний в области диалога романтизма с барокко и классицизмом, а также уточнению роли Мильтона в построении авторских мифологических миров.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.
---	---

Источники и принятые сокращения

1. Аникин Г. В. Уильям Блейк / Г. В. Аникин, Н. П. Михальская // История английской литературы. — Москва : Высшая школа, 1975. — С. 195—200.
2. *Артист-поэт-сумасшедший.* Жизнь Вильяма Блека // Телескоп. — 1834. — Ч. 22. — № 28. — С. 67—97.
3. *Бальмонт К. Д.* Праотец современных символистов (Вильям Блэк, 1757—1827) / К. Д. Бальмонт // Бальмонт К. Д. Собрание сочинений : в 7 т. — Москва : Книжный Клуб Книговек, 2010. — Т. 6. — С. 321—326. — ISBN 978-5-904656-88-1.

4. *Балтрушайтис Ю.* Дерево в огне : стихи / Ю. Балтрушайтис. — Вильнюс : Vaga, 1983. — 324 с.
5. *Блейк В.* Из поэмы «Мильтон» / В. Блейк. — Москва : Художественная литература, 1978. — С. 283—286.
6. *Блейк В.* Мильтон: три отрывка из поэмы (1804—1808) / В. Блейк // Блейк В. Избранное : в переводах С. Маршака. — Москва : Художественная литература, 1965. — С. 152—155.
7. *Блейк У.* Иерусалим : русские переводы [Электронный ресурс] / У. Блейк. — Режим доступа : <https://stihi.ru/2016/05/22/10481> (дата обращения 23.12.2025).
8. *Блейк У.* Из поэмы «Мильтон» / У. Блейк. — Москва : Прогресс, 1982. — С. 490—495.
9. *Блейк У.* Из поэмы «Мильтон» / У. Блейк ; пер. Г. Усовой // Дети Англии и славы. Из поэзии английского романтизма. — Санкт-Петербург : Деан, 2007. — С. 44. — ISBN 5-93630-561-9.
10. *Блейк У.* Мильтон / У. Блейк ; пер. с англ. и комм. Д. Смирнова-Садовского ; редакция В. В. Сердечной. — Москва : Magreb, 2021. — 357 с. — ISBN 978-5-9500498-9-7.
11. *Блейк У.* Чертоги времени (Из поэмы «Мильтон») / У. Блейк // Иностранная литература. — 2011. — № 3. — С. 32—33.
12. *Блэк В.* Песня дикого цветка. «На этот горный склон крутой...» / В. Блэк ; пер. С. Маршака // Русская мысль. — 1918. — Т. 39. — № 3—6. — С. 135—136.
13. *Васильева Т. Н.* Поэма В. Блейка «Мильтон» / Т. Н. Васильева // Ученые записки Кишиневского государственного университета. — 1962. — № 60. — С. 137—161.
14. *Васильева Т. Н.* Поэмы В. Блейка («Пророческие книги» XVIII—XIX вв.) / Т. Н. Васильева // Ученые записки Кишиневского государственного университета. — 1969. — № 108. — С. 26—311.
15. *Васильева Т. Н.* Поэтическое творчество Вильяма Блейка : автореферат диссертации ... доктора филологических наук / Т. Н. Васильева. — Ленинград, 1971. — 40 с.
16. *Венгерова З. А.* Вильям Блэк — родоначальник английского символизма / З. А. Венгерова // Литературные характеристики. — Санкт-Петербург : Типо-лит. А. Э. Винке, 1897. — С. 153—182.
17. *Вершинин И. В.* Синтез принципов и синтез искусств в предромантизме : Уильям Блейк / И. В. Вершинин // Труды по изучению предромантизма и романтизма. — Москва ; Самара : ПГСГА Социум, 2011. — С. 417—435.
18. *Гарин И.* Блейк. Пророки и поэты : [в 7 т.] / И. Гарин. — Москва : Терра, 1992. — Т. 1. — С. 393—417.
19. *Глебовская А.* Предварение / А. Глебовская // Блейк У. Songs of Innocence and of Experience = Песни Невинности и Опыта / пер. С. Степанова. — Санкт-Петербург : Северо-Запад, 1993. — С. 5—23.
20. *Гумилев Н. С.* Полное собрание сочинений : в 10 т. / Н. С. Гумилев. — Москва : Воскресенье, 2001. — Т. 4. — 394 с. — ISBN 5-88528-233-1.
21. *Гутнер М. Н.* Блейк / М. Н. Гутнер // История английской литературы : [в 3 т., 5 вып.]. — Ленинград : Изд-во Академии наук СССР, 1945. — Т. 1. — Выпуск 2. — С. 613—622.
22. *Елистратова А. А.* Наследие английского романтизма и современность / А. А. Елистратова. — Москва : Изд-во Академии наук СССР, 1960. — 506 с.
23. *Жирмунский В. М.* Вильям Блейк (1757—1827) / В. М. Жирмунский. — Москва : Художественная литература, 1965. — С. 5—34.

24. *Зверев А. М.* Величие Блейка / А. М. Зверев // Блейк У. Избранные стихи. — Москва : Прогресс, 1982а. — С. 5—33.
25. *Зверев А. М.* Комментарии / А. М. Зверев // Блейк У. Избранные стихи. — Москва : Прогресс, 1982б. — С. 497—555.
26. *Зверев А. М.* Комментарии / А. М. Зверев // Мортон А. Л. От Мэлори до Элиота. — Москва : Прогресс, 1970. — С. 233—255.
27. *Майзельс С. Р.* Примечания / С. Р. Майзельс // Маршак С. Собрание сочинений : в 8 т. — Москва : Художественная литература, 1969. — Т. 3. — С. 749—812.
28. *Маршак С.* Иерусалим / С. Маршак // Сафрут : литературно-художественный сборник / под ред. Л. Яффе. — Берлин : Изд-во С. Д. Зальцман, 1922. — С. 175.
29. *Некрасова Е. А.* Творчество Уильяма Блейка / Е. А. Некрасова. — Москва : Изд-во Московского университета, 1962. — 183 с.
30. *Токарева Г. А. У.* Блейк. Стихотворения, поэмы, проза. Р. Блэр. Могила : книга переводов / Г. А. Токарева. — Москва : Перо, 2020. — 185, [1] с. — ISBN 978-5-00171-693-8.
31. *Урнов Д. М.* Романтизм: Блейк, «Озерная школа», Вальтер Скотт, Байрон, Шелли, Китс, эссеисты и другие прозаики / Д. М. Урнов // История всемирной литературы. — Москва : Наука, 1989. — Т. 6. — С. 87—91.
32. *Шагинян М. С.* Вильям Блэйк : к двухсотлетию со дня рождения / М. С. Шагинян // Известия. — 1957. — № 282 (28 ноября). — С. 3—4.
33. *Blake W.* The complete poetry and prose / W. Blake ; ed. D. Erdman. — New York : Anchor books, 1988. — 990 p.

Литература

1. *Афанасьева К.* Уильям Блейк, Песнь свободы : Пролог, или основание, «Тириэль» и «Книга Тэль» : мытарства земной души / К. Афанасьева // Темница и свобода в художественном мире романтизма. — Москва : ИМЛИ РАН, 2002. — С. 189—223. — ISBN 5-9208-0111-5.
2. *Бабурченкова И. О.* Вариативность стиля У. Блейка в зрелом творчестве : сопоставительный анализ двух жанров / И. О. Бабурченкова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2017. — № 10 (76). — Ч. 3. — С. 55—59.
3. *Богданов А. В.* Мир как живая поэма : от Уильяма Блейка к Даниилу Андрееву через символизм / А. В. Богданов // Даниил Андреев : Pro et contra. Личность и творчество Д. Л. Андреева в оценке публицистов и исследователей / ред. Г. Садиков-Лансере. — Санкт-Петербург : Русская христианская гуманитарная академия, 2010. — С. 181—207. — ISBN 978-5-88812-400-0.
4. *Головин Е.* Приближение к Снежной Королеве / Е. Головин. — Москва : Арктогея-Центр, 2003. — 480 с. — ISBN 5-8186-0019-X.
5. *Густафссон Д.* Блейк и православие / Д. Густафссон // Язык. Словесность. Культура. — 2014. — № 1—2. — С. 16—36.
6. *Дугин А. Г.* Ноомахия : войны ума. Англия или Британия? Морская миссия и позитивный субъект / А. Г. Дугин. — Москва : Академический проект, 2015. — 595 с. — ISBN 978-5-8291-1795-5.
7. *Кокшарова Т. Э.* Изображение пространства и времени в пророческих эпосах У. Блейка как форма коммуникации с читателем (на примере поэмы «Мильтон») / Т. Э. Кокшарова // Коммуникация. Мышление. Личность. материалы Международной научной конференции, посвященной памяти профессоров И. Н. Горелова и К. Ф. Седова. — Саратов : Наука, 2012. — С. 664—670. — ISBN 978-5-9999-1398-2.

8. *Сердечная В. В.* Дмитрий Смирнов как переводчик и биограф Уильяма Блейка / В. В. Сердечная // Вопросы литературы. — 2021а. — № 5. — С. 233—245. — DOI: <https://doi.org/10.31425/0042-8795-2021-5-233-245>

9. *Сердечная В. В.* Уильям Блейк в русской культуре (1834—2020) / В. В. Сердечная. — Москва : Городец, 2021б. — 416 с. — ISBN 978-5-907220-82-9.

10. *Смирнов-Садовский Д.* Блейк : биография / Д. Смирнов-Садовский. — St Albans, UK; Colorado, USA : CreateSpace Independent Publishing Platform, 2016. — 378 с.

11. *Токарева Г. А.* Миф в художественной системе Уильяма Блейка : диссертация ... доктора филологических наук / Г. А. Токарева. — Воронеж, 2005. — 466 с.

12. *Черепеникова М. С.* Поэтические пророчества Уильяма Блейка / М. С. Черепеникова // Вестник Литературного института им. А. М. Горького. — 2004. — № 1. — С. 70—78.

13. *Carroll J.* Jerusalem, Jerusalem : How the Ancient City Ignited Our Modern World / J. Carroll. — Boston : Houghton Mifflin Harcourt, 2011. — 418 p. — ISBN 9780547195612.

14. *Smirnov D. N.* My Blake. Part 1 : In Russia / D. N. Smirnov // Blake/An Illustrated Quarterly. — 2018а. — Vol. 51. — № 4. — Pp. 76—82. — DOI: <https://doi.org/10.47761/biq.211>.

15. *Smirnov D. N.* My Blake. Part 2 : In England / D. N. Smirnov // Blake/An Illustrated Quarterly. — 2018б. — Vol. 52. — № 1. — Pp. 41—49. — DOI: <https://doi.org/10.47761/biq.216>.

*Статья поступила в редакцию 01.12.2025,
одобрена после рецензирования 27.03.2026,
подготовлена к публикации 07.05.2026.*

Material resources

Anikin, G. V., Mikhalskaya, N. P. (1975). William Blake. In: *The history of English literature*. Moscow: Vysshaya Shkola Publ. 195—200. (In Russ.).

Artist-poet-madman. The Life of William Black. (1834). *The telescope*, 22 (28): 67—97. (In Russ.).

Balmont, K. D. (2010). The forefather of modern Symbolists (William Black, 1757—1827). In: *Balmont, K. D. Collected Works: in 7 volumes, 6*. Moscow: Knigovek Book Club. 321—326. ISBN 978-5-904656-88-1. (In Russ.).

Baltrushaitis, Yu. (1983). *A tree on fire: poems*. Vilnius: Vaga. 324 p. (In Russ.).

Black, V. (1918). The song of the wild Flower. “This mountain slope is steep...”. *Russian Thought*, 39 (3—6): 135—136. (In Russ.).

Blake, V. (1965). *From the poem “Milton”*. Moscow: Fiction. 283—286. (In Russ.).

Blake, V. (1965). Milton: three excerpts from a poem (1804—1808). In: *Blake, V. Selected works*. Moscow: Fiction152—155. (In Russ.).

Blake, W. (2007). From the poem “Milton”. In: *Children of England and glory. From the poetry of English Romanticism*. St. Petersburg: Dean. P. 44. ISBN 5-93630-561-9. (In Russ.).

Blake, W. (1982). *From the poem “Milton”*. Moscow: Progress Publ. 490—495. (In Russ.).

Blake, W. (2021). *Milton*. Moscow: Magreb. 357 p. ISBN 978-5-9500498-9-7. (In Russ.).

Blake, W. (1988). *The complete poetry and prose*. New York: Anchor books. 990 p.

Blake, U. *Jerusalem: Russian translations*. Available at: <https://stihi.ru/2016/05/22/10481> (accessed 23.12.2025). (In Russ.).

- Blake, W. (2011). The Halls of Time (From the poem “Milton”). *Foreign literature*, 3: 32—33. (In Russ.).
- Elestratova, A. A. (1960). *The legacy of English Romanticism and modernity*. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 506 p. (In Russ.).
- Garin, I. (1992). *Blake. Prophets and Poets: in 7 volumes, 1*. Moscow: Terra. 393—417. (In Russ.).
- Glebovskaya, A. (1993). Introduction. In: *Blake, W. Songs of Innocence and of Experience = Songs of Innocence and Experience*. Saint Petersburg: North-West. 5—23. (In Russ.).
- Gumilev, N. S. (2001). *Complete works: in 10 volumes, 4*. Moscow: Sunday. 394 p. ISBN 5-88528-233-1. (In Russ.).
- Gutner, M. N. (1945). Blake. In: *History of English literature: in 3 volumes, 5th issue., 1 (2)*. Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 613—622. (In Russ.).
- Maisels, S. R. (1969). Notes. In: *Marshak, S. Collected works: in 8 volumes, 3*. Moscow: Fiction. 749-812. (In Russ.).
- Marshak, S. (1922). Jerusalem. In: *Safrut: literary- art collection*. Berlin: S. D. Salzman Publishing House. P. 175. (In Russ.).
- Nekrasova, E. A. (1962). *The work of William Blake*. Moscow: Publishing House of Moscow University. 183 p. (In Russ.).
- Shahinyan, M. S. (1957). William Blake: on the bicentenary of his birth. *Izvestia*, 282: 3—4. (In Russ.).
- Tokareva, G. A. (2020). U. Blake. *Poems, poems, prose by R. Blair. The Grave: a book of translations*. Moscow: Pero. 185, [1] p. ISBN 978-5-00171-693-8. (In Russ.).
- Urnov, D. M. (1989). Romanticism: Blake, The Lake School, Walter Scott, Byron, Shelley, Keats, essayists and other prose writers. In: *History of World Literature, 6*. Moscow: Nauka Publ. 87—91. (In Russ.).
- Vasilyeva, T. N. (1971). *The poetic work of William Blake*. Author’s abstract of PhD Diss. Leningrad. 40 p. (In Russ.).
- Vasilyeva, T. N. (1962). V. Blake’s poem “Milton”. *Scientific notes of the Chisinau State University*, 60: 137—161. (In Russ.).
- Vasilyeva, T. N. (1969). V. Blake’s poems (“Prophetic books” of the XVIII—XIX centuries). *Scientific Notes of the Chisinau State University*, 108: 26—311. (In Russ.).
- Vengerova, Z. A. (1897). William Black — the founder of English symbolism. In: *Literary characteristics*. St. Petersburg: A. E. Vinecke Printing House. 153—182. (In Russ.).
- Vershinin, I. V. (2011). Synthesis of principles and synthesis of arts in pre-Romanticism: William Blake. In: *Works on the study of pre-Romanticism and Romanticism*. Moscow; Samara: PSGA Society. 417—435. (In Russ.).
- Zhirmunsky, V. M. (1965). *William Blake (1757—1827)*. Moscow: Fiction. 5—34. (In Russ.).
- Zverev, A. M. (1982b). Comments. In: *Blake, W. Selected poems*. Moscow: Progress Publ. 497—555. (In Russ.).
- Zverev, A. M. (1970). Comments. In: *Morton, A. L. From Mallory to Eliot*. Moscow: Progress. 233—255. (In Russ.).
- Zverev, A. M. (1982a). The greatness of Blake. In: *Blake, U. Selected poems*. Moscow: Progress Publ. 5—33. (In Russ.).

References

- Afanasyeva, K. (2002). William Blake, The Song of Freedom: The Prologue, or the foundation, “Tyriel” and “The Book of Tel”: the ordeal of the earthly soul. In: *Prison*

- and freedom in the artistic world of Romanticism*. Moscow: IMLI RAS. 189—223. ISBN 5-9208-0111-5. (In Russ.).
- Baburchenkova, I. O. (2017). Variation of W. Blake's style in mature creativity: a comparative analysis of two genres. *Philological Sciences. Questions of theory and practice*, 10 (76) / 3: 55—59. (In Russ.).
- Bogdanov, A. V. (2010). The world as a living poem: from William Blake to Daniil Andreev through symbolism. In: *Daniil Andreev: Pro et contra. Personality and creativity of D. L. Andreev in the assessment of publicists and researchers*. Saint Petersburg: Russian Christian Humanitarian Academy. 181—207. ISBN 978-5-88812-400-0. (In Russ.).
- Carroll, J. (2011). *Jerusalem, Jerusalem: How the Ancient City Ignited Our Modern World*. Boston: Houghton Mifflin Harcourt. 418 p. ISBN 9780547195612.
- Cherepennikova, M. S. (2004). The Poetic prophecies of William Blake. *Bulletin of the Gorky Literary Institute*, 1: 70—78. (In Russ.).
- Dugin, A. G. (2015). *Noomakhia: wars of the mind. England or Britain? The naval mission and the positive subject*. Moscow: Academic Project. 595 p. ISBN 978-5-8291-1795-5. (In Russ.).
- Golovin, E. (2003). *Approaching the Snow Queen*. Moscow: Arktogeya-Center. 480 p. ISBN 5-8186-0019—X. (In Russ.).
- Gustafsson, D. (2014). Blake and Orthodoxy. Language. Literature. *Culture*, 1—2: 16—36. (In Russ.).
- Koksharova, T. E. (2012). The image of space and time in the prophetic epics of W. Blake as a form of communication with the reader (on the example of the poem “Milton”). In: *Communication. Mind. Personality. Proceedings of the International Scientific Conference dedicated to the memory of Professors I. N. Gorelov and K. F. Sedov*. Saratov: Nauka Publ. 664—670. ISBN 978-5-9999-1398-2. (In Russ.).
- Serdechnaya, V. V. (2021a). Dmitry Smirnov as translator and biographer of William Blake. *Questions of literature*, 5: 233—245. DOI: <https://doi.org/10.31425/0042-8795-2021-5-233-245>. (In Russ.).
- Serdechnaya, V. V. (2021b). *William Blake in Russian culture (1834—2020)*. Moscow: Gorodets. 416 p. ISBN 978-5-907220-82-9. (In Russ.).
- Smirnov, D. N. (2018a). My Blake. Part 1: In Russia. *Blake/An Illustrated Quarterly*, 51 (4): 76—82. DOI: <https://doi.org/10.47761/biq.211>.
- Smirnov, D. N. (2018b). My Blake. Part 2: In England. *Blake/An Illustrated Quarterly*, 52 (1): 41—49. DOI: <https://doi.org/10.47761/biq.216>.
- Smirnov-Sadovsky, D. (2016). *Blake: biography*. St Albans, UK; Colorado, USA: CreateSpace Independent Publishing Platform. 378 p. (In Russ.).
- Tokareva, G. A. (2005). *Myth in the artistic system of William Blake*. Doct. Diss. Voronezh. 466 p. (In Russ.).

*The article was submitted 01.12.2025;
approved after reviewing 27.03.2026;
accepted for publication 07.05.2026.*